

— Значит, у нас разные взгляды, — Шэнь Цзуннянь всегда уступал Тань Юмину, но в этот раз он не мог пойти на попятную. — И всё же я хочу повторить: «Хуаньту» не собирается разрывать все связи с «Пинхай». Мы лишь возвращаемся на своё законное, обоснованное и безопасное место.

Безопасное расстояние. И для Шэнь Цзунняня, и для «Хуаньту».

Тань Юмин не принял этот аргумент и нахмурился:

— Шэнь Цзуннянь, назови мне настоящую причину.

Шэнь Цзуннянь запнулся. Тань Юмин всё-таки был очень умён.

Они долго ходили вокруг да около, и Тань Юмину надоело притворяться:

— Если дело в тех словах, что я бросил на банкете, то я извиняюсь. — Он говорил серьёзно и искренне. — Я не это имел в виду. Я не хотел проводить между нами черту. И я никогда бы не подумал не позвать тебя на такое важное событие, как помолвка. Это просто невозможно! И вообще... вообще... — Он растерянно добавил: — Ты первый начал меня избегать! Я просто вспылил! Ты же знаешь мой характер.

Шэнь Цзуннянь тут же ответил:

— Нет, дело не в этом.

— Тогда в чём?

— В том, что связь между «Хуаньту» и «Пинхай» действительно вышла за разумные рамки. — Шэнь Цзуннянь сжал кулаки. Внешне он казался спокойным и рассудительным. — Ради их будущего развития необходимо провести чёткое разделение интересов.

— Моя командировка в Европу тоже не из-за тебя. И уж точно не из-за каких-то наших разногласий. Тань Юмин, я никогда не буду злиться на тебя. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Это просто невозможно.

— К семье Тань я всегда буду испытывать лишь благодарность. Это решение продиктовано исключительно интересами бизнеса и законами рынка. Всё просто.

Шэнь Цзуннянь говорил так, словно пути назад уже не было.

Вкусный ужин вдруг отозвался тошнотой, в животе всё скрутило. Тань Юмин подавил

подступающие спазмы и прямо посмотрел на него. Его взгляд не был свирепым, но казалось, что он пронзает душу Шэнь Цзунняня:

— Значит, главное, чтобы всё соответствовало интересам бизнеса?

— Шэнь Цзуннянь.

— Ради новых карьерных перспектив ты готов бросить проект, который мы вместе вынашивали, в который вместе вкладывались и за который вместе боролись?

— Я не бросаю его, — Шэнь Цзуннянь оставался таким же рассудительным и даже хладнокровным. Прирождённый переговорщик, он любезно взвешивал все плюсы и минусы: — Я обещаю: изменится только доля акций, всё остальное останется как прежде. Производственные линии останутся нетронутыми, отделу продаж не нужно будет возвращаться в «Хуаньту».

— Мы можем подписать соглашение о преференциях. «Пинхай» навсегда останется привилегированным клиентом «Хуаньту».

Вот только привилегированным клиентом «Пинхай» больше не обязана быть «Хуаньту».

— И не только Норт-Пойнт. Все остальные проекты «Пинхай» будут иметь абсолютный приоритет при работе с «Хуаньту». Включая твои личные компании. Я использую все свои...

— Заткнись! — Тань Юмин не выдержал и пнул ножку стола. — Кому это, к чёрту, нужно?! Ты что, милостыню нищему подаёшь или пытаешься от меня откупиться?!

— Надо же, соглашение о преференциях выдумал! Шэнь Цзуннянь...

— С какой стати?! Нашёл проект прибыльнее и решил со мной развестись?

— Мечтай! — Пальцы Тань Юмина дрожали. Он нервно закурил, чтобы подавить тошноту, и с вызовом вздёрнул подбородок: — А если я скажу, что не возьму акции, что ты будешь делать?

Шэнь Цзуннянь не удивился:

— Передам их другим заинтересованным членам семьи Тань.

Он слишком хорошо знал Тань Юмина и ещё лучше — его семью. В любом случае, акции останутся в семье Тань.

Он был настолько прямолинеен и предусмотрителен, что его решительность причиняла боль. Тань Юмин холодно усмехнулся. Этот человек пугал его. Пугал до такой степени, что это вызывало ненависть.

Он давил на него семьёй. Тань Юмин мог отказаться от акций. Но другие акционеры семьи ни за что не упустят такой лакомый кусок, упавший с неба. И если он будет упираться, всё давление обрушится на него.

— Значит, ты в любом случае от них избавишься?

У Шэнь Цзунняня дёрнулся кадык. Он спокойно смотрел на него.

Голос Тань Юмина заледенел:

— Отвечай. Да или нет.

В этот раз Шэнь Цзуннянь не стал смягчать углы:

— Да.

— Так это был прощальный ужин?

Сообщение с намёком на примирение, личный эскорт до работы, любимые блюда, ледяной лимонный чай, который он так давно не пил, и даже десерт напоследок, который обычно ему не разрешали есть в больших количествах.

Шэнь Цзуннянь нахмурился:

— Нет.

— Тогда что это?! — Тань Юмин больше не верил ни единому его слову. — Когда ты начал всё это планировать?

От того тёплого человека, что хлопотал на кухне, не осталось и следа.

— Решение было принято после оценки энергетического проекта.

Тань Юмин горько усмехнулся и пробормотал, словно обращаясь к самому себе:

— Да неужели? А не во время ли поездки в столицу? Или на пятый день Нового года? Или ещё

раньше?

Раньше он этого не замечал. Но теперь, вспоминая всё, что произошло, Тань Юмин с ужасом осознал: Шэнь Цзуннянь давно планировал этот уход.

Желудок сводило спазмами, и Тань Юмин больше не мог этого скрывать. Шэнь Цзуннянь видел, как яркий цветок персика в лучах заходящего солнца превратился в блёклую бабочку, до которой не доставал даже свет луны. Но если он протянет руку сейчас, это не спасёт её по-настоящему.

— Шэнь Цзуннянь, — услышал он хриплый голос этой увядающей бабочки, выносящей ему приговор. — Ты не в Европу собрался. Ты просто хочешь сбежать от меня.

Шэнь Цзуннянь незаметно сжал кулаки.

Они сидели друг напротив друга. Две пары дрожащих рук на одной скатерти. Кончики пальцев Тань Юмина покалывало. Он с силой швырнул на стол стопку контрактов из семейного офиса:

— Это предназначалось тебе.

Кто же знал, что примирительный ужин обернётся прощальным? Что подготовленный сюрприз превратится в договор о разделе имущества?

У него перехватило горло. С покрасневшими глазами он процедил сквозь зубы:

— Все эти дни я ждал от тебя звонка или сообщения. Когда вчера ты написал мне, я был так счастлив! Я так обрадовался, что даже забыл пообедать. Не спал всю ночь. Думал о том, как мы сегодня поговорим, как я не буду горячиться и снова с тобой ругаться.

— В последнее время мы слишком много ссорились. Я не понимаю почему, но знаю одно: никакие отношения такого не выдержат.

— Я всё гадал: обрадуешься ли ты этому контракту? Может, подарить что-то ещё, чтобы это не выглядело как отмазка? Чтобы показать, как это важно для меня... А теперь я жалею, что вчера вообще получил твоё сообщение.

— Я не знаю, чем я тебя обидел! Твою ж мать, я понятия не имею! Я отдал тебе всё, что у меня было.

Тань Юмин был в отчаянии. Он не понимал, что сделал не так, и лишь бессвязно изливал душу:

— С самого детства я каждый раз трясся от страха, когда ты уезжал к Шэням. Когда ты два года болтался за границей, я ни разу нормально не спал. А теперь ты заявляешь, что уезжаешь на несколько лет! Разница во времени, неизвестно когда вернёшься... Обо мне ты хоть раз подумал?!

— А о моей маме? О бабушке? Мама до сих пор, когда ты в командировках, тайком звонит мне и спрашивает: всё ли с тобой в порядке? не грустишь ли ты? Бабушка сто раз на дню повторяет, чтобы я ни на шаг от тебя не отходил, когда ты едешь к Шэням!

— Ты уже взрослый. Им неловко докучать тебе расспросами, они боятся, что ты сочтёшь их назойливыми. Поэтому они тайком спрашивают у меня. Мы все переживаем за тебя! Боимся, что тебе там опасно, что ты несчастен с нами! И теперь ты собрался уехать так надолго... Ты их вообще спросил?!

— Никто не просит тебя сидеть дома, пока живы родители. Но ты принял решение единолично. Как отрезал. Без малейшего шанса всё обсудить.

— Ты хоть раз подумал о нашей семье? Или... — Тань Юмин горько усмехнулся. — Или ты никогда не считал этот дом своим? Не считал нас своей семьёй? Тебе вообще плевать на меня и на них?

— С тех пор как ты появился в нашем доме, я всегда думал о тебе в первую очередь. Вкусная еда — тебе первому. Интересные игрушки — тебе. Подарки, семья, друзья — я всегда хотел делить всё с тобой поровну!

Тань Юмин подумал, что больше никогда в жизни не будет так относиться ни к одному человеку.

— Я думал, что за все эти годы ни разу не предал тебя. Я верил, что мы будем лучшими друзьями и семьёй до конца дней. Оказывается, так думал только я.

— На свадьбе Цзуи все смеялись над братьями Хуан, которые перегрызлись из-за наследства и разделили компанию. Я тогда ещё подумал: какой абсурд! Как мерзко и смешно! Кто бы мог подумать, что однажды это коснётся и меня. Оказывается, посмешище — это я сам.

Что значит искренние чувства и дружба? Всё решает выгода.

Тань Юмин был глубоко разочарован. Он и представить не мог, что их отношения зайдут в такой тупик:

— Третья тётушка была права: не бывает вечных братьев, бывают только вечные интересы.

Перед лицом реальных денег родственные узы и привязанность не стоят ни гроша.

Завтра за чашкой чая они тоже станут для кого-то объектом насмешек.

Повисла тишина.

Видимо, ему было настолько больно, что даже на злость не осталось сил. Тань Юмин спокойно посмотрел на него и тихо, чеканя каждое слово, вынес приговор:

— Шэнь Цзуннянь. Ты... самый бессердечный человек в мире.

Шэнь Цзуннянь оставался невозмутимым, словно его совсем не задела эти обвинения.

Чем спокойнее он был, тем сложнее Тань Юмину было сдерживать эмоции.

— Ты просто пользуешься тем, что я к тебе привязан. Знаешь, что я не смогу долго на тебя злиться, вот и вытворяешь что хочешь! Раз за разом!

— Думаешь, я идиот, который только и умеет, что бегать за тобой собачкой? Думаешь, я не умею расстраиваться и грустить? Знаешь, что я злюсь максимум три дня, поэтому можно измываться надо мной как угодно! Захотел — приласкал, надоел — прогнал. Я ведь всё равно сам приползу к тебе!

Слова вырывались сами собой. Их было не остановить. И хотя это был скорее выплеск накопившихся эмоций, чем правда, он продолжал:

— За все эти годы я тебе, наверное, до смерти надоел? Но из-за моих родителей приходилось терпеть. А теперь я мешаю твоим амбициям, путаюсь под ногами... Пришлось разрывать партнёрство! — Он глубоко затаился. Дым обжёг лёгкие, вытеснив кислород. Он выдохнул наполовину кольцо дыма. — Такая братская дружба... это просто смешно.

— Это так бессмысленно, — с отвращением бросил он, опустив глаза.

— Если не хочешь эти акции — я найду тех, кто захочет. Семье всё объяснишь сам. Я за тебя заступаться не стану. — Когда Тань Юмин хотел быть жестоким, он умел быть ледяным. Он встал, схватил свой пиджак и бросил напоследок: — Шэнь Цзуннянь. До Северной Европы путь неблизкий. Желаю попутного ветра.

Он затушил сигарету, хлопнул дверью и ушёл.

Шэнь Цзуннянь не стал оправдываться или удерживать его. Он молча сидел, не шевелясь. Затем взял недокуренную сигарету Тань Юмина, зажал её губами и медленно, наслаждаясь каждой затяжкой, докурил до конца.

***

«Кайен» с правым поворотником свернул на улицу Цзошидэн. Под деревом у обочины кто-то сидел на корточках, опустив голову и держась за живот. Водитель подумал, что это какой-то перепивший гуляка, и хотел его объехать. Но, мигнув фарами, с ужасом узнал в нём своего молодого господина.

Водитель быстро припарковался и выскочил из машины, чтобы помочь ему подняться. Заметив мертвенную бледность на лице Тань Юмина, он встревоженно спросил:

— Молодой господин, вам плохо? Поехать в больницу? Или отвезти вас в старый особняк и вызвать доктора Линя?

Он не понимал, зачем молодому господину вдруг понадобилось ехать в офис в такой поздний час.

— Не нужно. Поехали в «Пинхай».

Руки Тань Юмина дрожали. Пиджак соскользнул с предплечья и упал на землю. Водитель поднял его.

***

Шэнь Цзуннянь передал дело о передаче акций проекта Норт-Пойнт руководителям высшего звена. Зная, что это касается Тань Юмина, они не смели допустить ни единой ошибки. Каждый раз, когда они приходили к Шэнь Цзунняню за инструкциями, он отвечал одно и то же:

— Действуйте согласно принципу привилегированного клиента.

***

Когда Цзян Ин приехал в бойцовский клуб, он не ожидал увидеть его там.

Зал не был закрыт для посторонних, но в будний день посетителей было немного.

У спарринг-партнёра была профессиональная экипировка: капа, защита на лодыжки и всё остальное. На Шэнь Цзунняне же были лишь чёрные тренировочные шорты и красные боксёрские перчатки. Никакой защиты. Из-за этого его широкие плечи и поджарая, рельефная фигура с тонкими, но крепкими мышцами на спине и животе выглядели ещё более внушительно. В каждом его движении сквозила первобытная сила и агрессия, отточенная годами реальных боёв.

Цзян Ин спросил у менеджера:

— Давно господин Шэнь здесь?

— Около получаса, — ответил тот.

Начался новый раунд. Шэнь Цзуннянь атаковал свирепо. Он приседал, уворачивался, раз за разом наносил прямые удары правой и апперкоты. Каждый удар достигал цели. Он не пытался перехитрить противника — его стиль был грубым и первобытным.

Но если бы кто-то сказал, что он жаждет победы, то как объяснить тот факт, что он отказался от атаки, когда партнёр несколько раз пробил ему в область рёбер? Он даже не пытался защищаться! Раздался глухой стук, и на его плече появились новые синяки и кровоподтёки. Шэнь Цзуннянь твёрдо стоял на ногах, не делая ни шагу назад, не пытаясь уклониться. Казалось, он вообще не чувствовал боли и ударов. Более того, складывалось впечатление, что он сам подставлялся под эти хлёткие удары!

Спарринг-партнёр замялся. Судья дал сигнал остановить бой. Шэнь Цзуннянь сказал:

— Всё нормально. Продолжаем.

Цзян Ин понаблюдал ещё два раунда. У Шэнь Цзунняня был невероятно высокий болевой порог. Цзян Ин обнаружил это ещё в Италии, когда Шэнь Цзунняню было шестнадцать лет.

Тогда преследуемый Шэнь Цзуннянь был весь изранен, но находился в ясном уме и сохранял абсолютное спокойствие. Врач, которого Цзян Ин тайно пригласил на виллу, заявил, что любой другой на его месте не прожил бы и шести часов: внутренние органы были повреждены, началось обширное заражение.

Цзян Ин был потрясён. Шэнь Цзуннянь продержался целых шесть дней! А под его покрытой струпьями кожей гноилось живое мясо.

Их встреча в Италии была короткой. Семья Цзян в то время переживала сложный период трансформации. Они отсекали часть бизнеса ради выживания и переводили активы в Южную Европу. Это привлекло внимание местных криминальных авторитетов. Шэнь Цзуннянь, желая отплатить Цзян Ину за то, что тот когда-то помог ему, вступился за него, когда Цзян Ина зажали в угол в конном клубе.

Сбежав от погони, Шэнь Цзуннянь похлопал себя по карманам. Его лицо помрачнело, и он развернулся, чтобы уйти. Цзян Ин схватил его за руку:

— Ты куда?!

— Возвращайся без меня. Я кое-что обронил, — ответил Шэнь Цзуннянь.

Цзян Ин снова опешил:

— Жить надоело?! Они ещё не ушли!

Шэнь Цзуннянь ничего не ответил. Он вырвал руку и быстро пошёл назад.

Цзян Ин не смог его остановить. Только потом он узнал, что тот возвращался за красной ниточкой, на которой висел кусочек разбитого нефрита с непонятным узором. Правда, позже он никогда не видел, чтобы Шэнь Цзуннянь его носил.

— Ну что, будешь драться? — Раунд закончился, время спарринг-партнёра вышло. Шэнь Цзуннянь стоял на ринге. Зубами он стянул перчатку и посмотрел на Цзян Ина.

Цзян Ин сбросил спортивную сумку с плеча:

— Со мной придётся драться всерьёз! Пощады не жди!

Он переоделся и поднялся на ринг. Они сошлись в бою. Шэнь Цзуннянь стал более собранным. Бой шёл на равных.

Это было не столько состязание, сколько тренировка и способ выпустить пар. Коньком Шэнь Цзунняня была саньда (китайский кикбоксинг), а здесь, в смешанных единоборствах, они с Цзян Ином были равны. Оба вымотались до предела. Цзян Ин стянул перчатки и крикнул:

— Хватит!

Свет над рингом был тусклым. Только зайдя в душевую, Цзян Ин разглядел синяки на теле Шэнь Цзунняня. Он возмутился:

— Ты специально пришёл, чтобы тебя отлупили?

— Не преувеличивай.

Цзян Ин любил рубить сплеча:

— Поругались?

— Нет.

— Если нет, тогда почему Чжо Чжисюань отменил нашу поездку на острова и каждый день бегают в «Пинхай»?

Шэнь Цзуннянь кивнул и потянулся за чистой одеждой:

— А ты неплохо осведомлён.

Цзян Ин поперхнулся. Шэнь Цзуннянь зашёл в душевую кабину и закрыл дверь.

Когда они уходили, менеджер клуба провожал их. Он с улыбкой спросил:

— А почему молодой господин Тань не пришёл с вами?

(Тань Юмин обожал спорт: и сноуборд, и греблю. Раньше, когда Шэнь Цзуннянь приходил сюда на тренировки по карате, он всегда увязывался за ним и занимался скалолазанием).

Менеджер с сожалением добавил:

— Давно его не видел. Те боксёрские перчатки, которые он просил заказать в прошлый раз, уже приехали. Господин Шэнь, заберёте их с собой?

Рука Шэнь Цзунняня дрогнула. Он ответил:

— В следующий раз отдадите ему сами.

<http://bllate.org/book/17117/1614109>